

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

СКОТНИ ДЖОРДЖО

**ИСТОРИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ВОЙСК
ПРОТИВ 8-Й ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
1942–1943 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор С.И. Филоненко

Воронеж – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	13
1.1 Историография	13
1.2 Характеристика источников	32
Глава 2 УЧАСТИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙСК В БОЯХ ПРОТИВ КРАСНОЙ АРМИИ В ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ (17.07–18.11.1942 г.).....	46
2.1 Планы Германии на 1942 г. и участие Италии в их реализации	46
2.2 Пропаганда, моральное состояние итальянских войск, их выдвижение на Дон	89
2.3 Первое оборонительное сражение на Дону и оккупационный режим АРМИРа.....	142
Глава 3 РАЗГРОМ 8-Й ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ ЗИМОЙ 1942–1943 гг.	185
3.1 Поражение немецко-румынских войск на южном фланге 8-й армии. Бои за Кантемировку в ходе наступательной операции Красной армии «Малый Сатурн».....	185
3.2 Отступление итальянских войск в декабре 1942 г.: бои в Арбузовке и Чертково	244
3.3 Острогожско-Россошанская наступательная операция советских войск и разгром итальянского альпийского корпуса	284
3.4 Вывод остатков 8-й армии с советско-германского фронта	328
Глава 4 ИТОГИ БОЕВ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙСК НА СОВЕТСКО- ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ.....	349
4.1 Последствия поражения в России и выход Италии из войны на стороне Германии	349
4.2 Суд над итальянскими военными преступниками	375
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	410
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	417
ПРИЛОЖЕНИЯ	439

Глава 3

**РАЗГРОМ 8-й ИТАЛЬЯНСКОЙ АРМИИ
НА СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ДОНУ ЗИМОЙ 1942–1943 гг.**

3.2 Отступление в декабре 1942 г.: бои в Арбузовке и Чертково

Вечером 19 декабря 1942 г. четыре дивизии 8-й итальянской армии – «Пасубио», «Торино», «Челере» и «Сфорцеска» – начали отход с занимаемых на Дону позиций. Командир 35-го корпуса генерал Цингалес отправился лично в дивизию «Пасубио» и передал приказ отступить на юг, чтобы создать новую оборонительную линию на р. Тихая: 8-й артиллерийский полк, 79-й и 80-й пехотные полки должны были развернуться на участке с Назаровского к Верхняковскому. Вместе с частями «Пасубио» готовились выполнить приказ все итальянские соединения в подчинении 35-го корпуса – 30-я артиллерийская группа корпусной артиллерии, инженерные, санитарные корпуса, корпус интендантской службы и т.д. При этом не удалось установить связи с частями дивизии «Торино», находящимися справа.

Командир дивизии «Пасубио» генерал Гуидо Бозелли понял, что связь с войсками оказалась опасно разорванной, и снабжение было уже вопросом жизни или смерти: «Когда было приказано отступить немедленно, я сообщил, что, учитывая ситуацию на фронте и отсутствие топлива, само отступление бы вызвало полное растворение всех подразделений и потерю всей артиллерии. Тот же вопрос был задан немецким офицерам связи. Как уже до того сообщалось несколько раз командованию 29-го немецкого корпуса, дивизии необходимы поставки продовольствия, топлива и боеприпасов. Но ничего не смог добиться, несмотря на настойчивость и личные вмешательства. Я передал приказ об отступлении командиру 80-го пехотного полка полковнику Касасса и командиру пехотной дивизии, добавив, что командный пункт на новом рубеже будет в с. Богуны <...> Осталось решить проблему, как обеспечить снабжение войск во время движения и спасение артиллерии. Так, из командного пункта в Медово начальник штаба ди-

визии (подполковник Канджини) от моего имени передал начальнику штаба 29-го немецкого корпуса новую настоятельную просьбу о топливе и снабжении для пехоты. После получения ответа – "больше ничего нет" – я направился в Каразеево, где были материально-технические базы дивизии "Торино": все склады были уже эвакуированы»¹.

Дивизии «Пасубио» и «Торино» и арьергард 298-й немецкой дивизии (всего 30 тысяч человек) образовали колонну в районе Тихой Журавки и начали движение в юго-западном направлении. Тем временем с самого начала безостановочного отступления жалкие остатки топлива подошли к концу, и части «Пасубио» были вынуждены бросить автотранспорт, склады с продовольствием и тяжелую артиллерию – орудия 149/40 и 210/22 мм. «Примерно в 17.00 часов 19 декабря, когда старый КСИР уже два дня находился в котле – радиус окружности около 70 км – был дан приказ об отступлении. <...> Ситуация в 8-й артиллерии "Пасубио" до 17 ч.: полк почти полностью лишен топлива, мало патронов; снабжение питанием в достаточном количестве, но без транспорта. Группе пришлось взорвать все, оружие и транспортные средства – тоже, потому что нет больше топлива»².

Воспоминания Эудженио Корти³, тогда бывшего офицером 30-й артиллерийской группы, подтверждают это: «Наших скудных запасов дизельного топлива и бензина могло бы хватить не больше, чем на 10–20 километров. Но все равно не было надежды завести имевшиеся в нашем распоряжении грузовики (626-е "фиаты" и омки), поскольку они были рассчитаны на работу на дизельном топливе при температуре не ниже 20 градусов. В то же время тракторы (старые добрые "павези") имели бензиновые двигатели и завелись практически сразу же, огласив окрестности оглушительным ревом и треском. Через некоторое время мы оставили попытки вдохнуть жизнь в мертвые грузовики и выступили пешком. Впереди

¹AUSSME. DS 1556/1. Доклад генерала Бозелли: дивизия «Пасубио» с декабря 1942 г. по январь 1943 г. С. 19, 20.

²AISSMDP. Архив Института исторических военных исследований «Дивизия Пасубио». Рим. Отчет о проведении 8-го артиллерийского полка во время отступления от Дона (10.12.1942–15.1.1943). С. 2.

³Corti, E. I più non ritornano. Diario di 28 giorni d'assedio sul fronte russo (1942-43). Milano, 1947.

шествовал майор Беллини. За нашей весьма разномастной колонной шли солдаты из трех батарей, которым не нашлось места на немногочисленных оставшихся в наличии транспортных средствах. Они двигались в строю вместе со своими офицерами. Многие, невзирая на чины и звания, были закутаны в одеяла. Мы ничего не уничтожили, повинуясь категорическому запрету майора Беллини. Конечно, бросать вполне исправную технику было очень жалко. <...> В кромешной тьме на обледеневшей дороге, ведущей в Мешков через Малеванное и Медово, собралась огромная колонна людей. Нас были тысячи. Темные фигуры тянулись по белой дороге, которая вилась через бесконечную заснеженную степь».¹

Штабы в ходе отхода теряли связь с войсками и начали сниматься с мест; окруженные итальянские колонны, атакованные частями 1-й Гвардейской армии, пытались прорваться на запад бегством. В конечном счете приказы и контрприказы командования вермахта ускорили процесс дезинтеграции 8-й армии.

Состав дивизии «Челере» распался с первого дня отхода. «Поздно вечером 19 декабря, примерно в 23 ч., в командном пункте получили известный приказ генерала Обстерфелдера о выводе 29-го немецкого корпуса на рубеж Макаевка-Поповка-Каменской. Пришел приказ внезапно и неожиданно (в связи с приведенным выше положением указано возможное отступление на реке Чир), и я считаю, что это был результат рейда мощных советских танковых соединений, наступающих на юг через фронты дивизии "Коссериа" и "Равенна". <...> Отступление началось примерно к 24 ч.; дороги были непроходимы, и движение было очень утомительно. Тем не менее многие соединения дивизии прибыли к зоне назначения на утро следующего дня – 20 декабря. Однако отход 3-го полка, Хорватского легиона и командования 120-го артиллерийского полка, которые были разбросаны по 30 км линии фронта, был затруднен отсутствием топлива и массивной вражеской инфильтрацией справа и сзади. Эти подразделения попали полностью в руки врага»².

¹ Корти, Э. Немногие возвратившиеся. М., 2002.

² AUSSME. DS 1556/10. «Доклад генерала Антонио Луридияна, зам. командира 3-й подвижной дивизии». С. 4.

С утра до вечера 20 декабря остатки дивизии «Челере» проходили по разным путям в направлении Поповки, важного узла связи для войск АРМИРА и для 3-й румынской армии. Но командование группы армий «Б» уже планировало новый вариант: защитить остатками дивизий «спутников» позиции в долинах р. Лозовая и р. Чир. Генерал фон Вейхс отменил приказ 29-го корпуса, чтобы итальянские войска вернулись снова на свои позиции.

В Поповке был расположен штаб дивизии «Сфорцеска» и командование 1-го румынского армейского корпуса: «Румынское командование было оставлено немцами в абсолютном неведении о ситуации и о приказе отступить. Румынский командир узнал от итальянского командования о том, что происходит позади его корпуса <...> Поздним вечером дивизии "Челере" приказали снова восстановить оборону в долине р. Чир на рубеже Ильичевка – Наполовский – высота 193, между тем справа должна была развернуться дивизия "Сфорцеска". Это означало возвращение войск на север на 30 км, чтобы занимать позиции, на которых они были уже до отступления. Командование дивизии подчиняется и отправляет обратно все отделы на место; в Кашарах, были использованы карабинеры, чтобы остановить в пути все подразделения, принадлежащие любой дивизии, и отправить их обратно на Поповку. Во второй половине дня было приказано колонне полковника Карлони (колонна состояла из 6-го полка и из 2-й группы 120-го артиллерийского полка) вернуться немедленно из Макаевки в Поповку. Во то же время, в 21 ч., нападение танков с востока Каменки распространяется на Поповку: все войска и командование дивизии попытались отступить к западу, на Кашары. Но другая колонна русских танков с севера также атакует Кашары. На 23 ч. вся деревня была в огне; даже этот выход был заблокирован. В адскую ночь на 21 декабря, когда мороз был 30 градусов ниже нуля и русские танковые колонны приходили со всех уголков, отступление продолжалось просто в соответствии с путями побега, которыми следовали отдельные части дивизии»¹.

¹ AUSSME. DS 1556/9. Краткая памятка о действиях 3-й подвижной дивизии "Им. принца Амедео, герцога д'Аосты" во Втором оборонительном сражении на Дону в декабре 1942 г. – феврале 1943 г. С. 11–12.

Начальник немецкой группы связи при командовании АРМИРа генерал фон Типпельскирх, чтобы оправдаться, отмечал: «Русские танки в нескольких местах вклинились в оборону 8-й армии, так что централизованное управление войсками было потеряно. Создать импровизированную оборону на новом рубеже, используя для этой цели состав тыловых служб, чтобы задержать отставшие и рассеянные противником части, которые отходили в южном направлении, итальянцы при их взглядах и боевых качествах войск и командного состава не могли»¹. При этом фон Типпельскирх ничего не пишет о неэффективности аппарата управления гитлеровских стратегов группы армии «Б», которые с начала Второго сражения на Дону взяли на себя прямой контроль над дивизиями, находившихся в подчинении командира Гариболди – это было сделано путем создания сети немецких офицеров связи при итальянских штабах.

Обращает на себя внимание позорное отношение немецких военных в целом к союзникам. Отрицательное впечатление вызывает не только высокомерие гитлеровских командующих – для вермахта итальянские офицеры были вассалами – но и систематическое угнетение войск АРМИРа при отходе, совершавшемся союзниками, в частности солдатами 298-й дивизии. Во многих докладах о немецко-итальянских отношениях во время Второго оборонительного сражения на Дону было замечено, что во время отхода ситуация угнетения подкреплялась распространенными среди немцев предрассудками против итальянцев; то есть непреодолимым препятствием для взаимопонимания была вера немецкого командования в расовое превосходство арийского солдата над союзниками.

Вновь это подтверждается конфиденциальным отчетом генерала Марраса о поведении войск вермахта в составе АРМИРа². «Немецкий солдат в этой кампа-

¹ Типпельскирх, К. История Второй мировой войны. СПб.; М., 1999.

² Начальник информационной службы сухопутных войск полковник Эдмондо Де Ренци в сопроводительном письме для начальника исторической службы генерального штаба уточнил: «После докладов, отправленных этой службе № Z/21419, 15 марта 1943 г. и № Z/22190, 10 апреля 1943 г. передаю копию приложения №706/S 2 мая 1943 г. «Отношение некоторых немецких солдат к нашим войскам в России» итальянской военной миссии в Германии. Позвольте мне подчеркнуть деликатность этого документа, имеющего характер строгой конфиденциальности. Его Превосходительство начальник штаба Кавальеро приказал дать Вам две копии для сбора информации об отношениях с союзниками и отметил: «В запечатанном кон-

нии проявил такое зверское насилие, даже за счет союзников, которого никогда не было в мировой войне и которое выходит за рамки естественной тенденции гнета, присущей темпераменту германского народа. Ситуация ухудшается в последнее время, так как считают врагом и солдат, которые уже не в состоянии бороться: даже в больницах сейчас происходят беспрецедентные случаи проявления эгоизма. Это и эффект затягивания войны, который должен заставить нас беспокоиться. <...> 298-я немецкая дивизия, которая была развернута на правом фланге дивизии "Равенна" и занимала важный сектор в долине Богучар, вела себя плохо и в общем ходе действий, и по отношению к итальянским войскам. Когда было совершено нападение со стороны противника, немецкая дивизия не помогла дивизии "Равенна" в сопротивлении. Командир 298-й немецкой дивизии генерал Целински был полон чувств италофобии. Но независимо от этого он проявил себя не с лучшей стороны, когда улетел из котла Чертково, бросив окруженные войска, в том числе и немецкие части»¹.

Попытка командования группы армий «Б» восстановить оборонительную линию в тылах группы «Дон» определила различные пути отхода для каждой из итальянских дивизий, которые держали фронт от р. Богучар до р. Тихой. «Некоторые колонны остались соединенными, другие были остановлены инфильтрациями противника и распались. Таким образом, были сформированы два основных блока в отступлении: так называемый "Северный блок" – 298-я немецкая дивизия, группа Капицци, основные силы дивизии "Пасубио" и "Торино" – и "Блок юг" – командование 29-го немецкого корпуса и 35-го армейского корпуса, службы корпуса, части дивизии "Пасубио" и "Челере" и остатки дивизии "Сфорцеска"»².

Ещё три гарнизона выживали на Среднем Дону, держась в окружении, организованном 1-й гвардейской армией: итало-немецкие войска, окружённые в

верте должны храниться в сейфе. Совершенно ясно, что офицеры исторической службы генерального штаба обязаны не использовать в любом случае информацию из документов».

¹AUSSME. DS 1551/4, n.2/21419. Генштаб Королевской армии. Информационная служба сухопутных войск (SIE) № Z/22816. Отчет об отношении некоторых немецких офицеров к итальянским войскам в России. С. 2.

² Le operazioni delle unità italiane al fronte russo (1941-1943). Roma, 1993. P. 394.

Чертково, гарнизон в Миллерово и гарнизон на аэродроме Гартмашевка, юго-западнее Кантемировка. Борьба здесь затянулась, и блокады были сняты к середине января 1943 г. Дальше к западу располагалась группа Фреттер-Пико (30-й немецкий армейский корпус). Восточнее Старобельска, где разместились пункты командования группы армий «Б» и 8-й армии, усилила оборону 19-я немецкая танковая дивизия: однако, необходимость разблокировать итало-немецкие войска, осаженные в Чертково, не позволяла части этой дивизии присоединиться к правому крылу 24-го немецкого корпуса, чтобы закрыть брешь между с. Голая и Новомарковка, примерно в 40 километрах в ширину, и установить непосредственную связь с итальянским альпийским корпусом.

21 декабря Кавальеро проинформировали, что штаб сухопутных сил вермахта официально предложил «заменить» 8-ю итальянскую армию. В этом варианте «замена» означала, что вместо генерала Гарибольди командующий группой армий «Б» генерал фон Вейхс возьмёт в свое подчинение все остальные дивизии АРМИРа, т.е. доведет до конца «вывод итальянского управления 8-й армии с фронта, с целью использовать его для создания рубежа обороны на р. Северский Донец силами альпийского корпуса и остатков 2-го корпуса. Однако Гарибольди наотрез отказался покинуть итальянские войска <...> Гарибольди формально остался командующим всей армией, в том числе и 24-м танковым корпусом. Фактически же управлял этим корпусом Типпельскирх, а 29-й немецкий и 35-й итальянский корпуса, как и 2-й итальянский корпус, прекратили свое существование как организационные единицы»¹.

После отказа генерала Гарибольди, заявившего, что кризис АРМИРа на Дону ограничен, четыре итальянских дивизии, которые остались за пределами южного рубежа группы армий «Б», получили приказ сгруппироваться в районе с. Арбузовка и Алексеево-Лозовское, чтобы организовать жестокую оборону².

¹ Сафронов В.Г. Итальянские войска на Восточном фронте. 1941–1943 гг. М., 1990. С. 180.

²AUSSME. DS 1115/1. Отчет генерала Гуидо Бозелли, командующего дивизией «Пасубио». С. 21.

Как видим, операция «Малый Сатурн» уже к двадцатым числам декабря выполнила свое главное предназначение¹. Подразделения 1-й Гвардейской армии Юго-Западного фронта на третий день после начала операции перешли в наступление общим направлением Чертково – Миллерово. 35-я, 38-я, 41-я и 44-я гвардейские стрелковые дивизии перехватили дальнейший путь отхода «Северного блока» 8-й армии именно в районе с. Арбузовка, где он был разгромлен.

В ночь на 21 декабря советские войска, занимавшие позиции на холмах, окружили долину Арбузовки, в которой были сосредоточены остатки 298-й немецкой дивизии, «группы Капицци» (отдельные подразделения «Равенны»), дивизии «Пасубио» и «Торино».

Так пишет генерал Капицци: «Село Арбузовка краеугольно защищено немецкими и итальянскими войсками. Части АРМИРа выставляются в первом ряду, но в основном используются в качестве резерва для контратаки. Этот резерв делится на два блока – Южный и Северный, соответствующие двум секторам под командованием соответственно генерала Капицци и генерала Росси – командира пехотной дивизии "Торино"»². Действительно, отступающим итальянским частям удалось войти в деревню, но дома были все заняты немцами, прибывшими первыми. На легкой мишени осажденных войск под открытым небом был сконцентрирован огонь из минометов, ракетных установок и артиллерии.

В ожесточённых боях попали в плен тысячи солдат, десятки тысяч погибли. Войска АРМИРа, которым удалось выжить в той кровавой мясорубке, назвали это страшное место «Долиной смерти». Об этих событиях написали и русские, и итальянские ветераны.

Санте Муккьетто, тогда сержант 11-й роты снабжения дивизии «Пасубио», запомнил то, как он попал в котел, устроенный советскими частями: «Уже почти наступила ночь, когда мы прибыли в назначенное место. Это была довольно об-

¹ Плотников, Ю.В., Сафронов, В.Г. Разгром 8-й итальянской армии в операции «Малый Сатурн» // Военно-исторический журнал. 1982. № 12. С. 39.

² AUSSME. DS 1552/18 n.2 PM 53 – 1.02.1943. Отчет об операциях, в которых принимали участие части дивизии «Равенна» в районе Перещепное – Радченское – Поповка – Арбузовка – Чертково – Стрельцовка с 17 декабря 1942 г. по 17 января 1943 г. С. 66.

ширная возвышенность, по всей протяженности которой бурлили группы, группы и просто одинокие солдаты, держащие у груди имущество, и лежащие раненые – упавшие духом, потерявшие надежду на спасение. Транспорта было мало. Генералы, полковники, майоры – все стали равны. Здесь были тысячи человек – и куда подевалась их прежняя храбрость и отвага: все пребывали в тягостном молчании, в невеселых размышлениях о своей бесславной, незаслуженной доле. Многие потеряли все свое имущество, у них оставалась только плащ-накидка, которой они и пытались спастись от жестокого холода и пронизывающего ледяного ветра, прижимаясь друг к другу, чтобы хоть немного погреться»¹.

Свидетельства советских солдат о состоянии АРМИРа похожи: «Охваченные страхом и преследуемые нашими войсками части противника огромной неорганизованной многотысячной толпой хлынули в юго-западном направлении. На пути этой массы войск противника на рубеже Малая Лозовка, Каменка, Алексеево-Лозовское, Арбузовка встали части 35-й гвардейской стрелковой дивизии. Несмотря на отсутствие в рядах противника надлежащей организованности, когда волю врага парализовала паника, которая делает неуправляемыми даже боеспособные, хорошо вооруженные подразделения, эта огромная вооруженная толпа, двигаясь с отчаянием обреченных, представляла серьезную опасность для 35-й гвардейской стрелковой дивизии, вставшей на ее пути. В этих сложных, постоянно меняющихся условиях, существенную роль сыграли наши разведывательные подразделения <...> Командир 34-й отдельной разведывательной роты, старший лейтенант А.Д. Бессонов, в районе села Арбузовка смело и решительно повел своих разведчиков в атаку на численно превосходящего противника. Ворвавшись в колонну врага, разведчики плотным огнем расчистили себе дорогу к группе офицеров, которые двигались под защитой солдат. Схватив офицера за воротник и направив ему ствол автомата в бок, Бессонов приказал дать команду солдатам поднять руки вверх. Итальянский подполковник послушно повиновался: 654 человека бросили оружие и сдались в плен»².

¹ Воспоминания итальянских солдат. Владивосток, 2006. С. 83.

² Афанасьев, Н.И. От Волги до Шпрее. М., 1982. С. 86, 87.

В течение дня 22 декабря итальянские войска, которые были еще в состоянии бороться, переходили в многократные, кровополитные контратаки: испытывая дефицит боеприпасов, они попытались прорвать штыковыми атаками линию Красной армии. Об этих трудных боях писал в своих воспоминаниях рядовой 100-го гвардейского стрелкового полка Я.Л. Одегнал: «Комбат повел батальон вперед. Пулей, гранатой, штыком и прикладом стремительно громили противника, батальон вырвался на холмик, овладев ключевой позицией. А через час – полтора гитлеровцы подтянули пехоту и, поддержав ее сильным артогнем, перешли в атаку. Их было больше, и они шли напролом. Наши войска успели закрепиться, установить орудия, связь, что дало возможность за считанные минуты уничтожить более 100 гитлеровцев. Бой имел переменный успех <...> Чтобы отбить атаку немцев, батальон перешел в контратаку. В ближнем рукопашном бою все пошло в ход в этой горькой, жестокой, кровопролитной схватке: и граната, и штык, и приклад, и саперная лопата»¹.

Бои по прорыву окружения, развернувшиеся 23 декабря, были такими ожесточенными и неудачными, что командир дивизии «Торино» приказал сжечь полковые знамена, чтобы предотвратить их возможный захват.

Особенно катастрофичными в ходе боёв были последствия воздействия выстрелов «Катюш» и минометов на массу деморализованных солдат. Об этом написал Гастоне Борро, пехотинец 81-го полка дивизии «Торино»: «Тем временем русские все усиливали давление, в бой вступали все новые силы и средства. Если раньше обстрел вели только пулеметы, то потом к ним подключились и минометы. Мы же все так же оставались незащищенными на этом открытом участке земли – и каждая мина, каждая пуля находила здесь свою жертву. А скоро мы познакомились и с другим, гораздо более грозным оружием русских: "Катюша" – такой многоствольный миномет, установленный на грузовой машине, который за один залп выбрасывал сразу штук пятьдесят снарядов. Этот залп было слышно издали, что-то наподобие отдаленного раската грома, но сразу после на нас обруши-

¹ Глушенко, А. Память огненных лет. К 53-й годовщине освобождения Чертковского района от немецко-фашистских захватчиков // Вести Чертковские 16.01.1996 г. № 5 (9240). С. 2.

вался шквал разрывов: буря огня, свист осколков, летящие во все стороны комья земли и обломки, куски человеческой плоти. <...> Едва стихал грохот разрывов – со всех сторон неслись крики раненых людей и животных, стоны умирающих, бьющихся в последней агонии. Спустя какое-то время за первым залпом следовал второй, потом третий – и так весь день. <...> У меня до сих пор стоит перед глазами картина: на снегу не в силах сдвинуться с места, сидит офицер, которому осколком разворотило живот так, что из-под сомкнутых рук виднелись вываливающиеся кишки. Он сидел, уставившись на свою рану, видимо, уже совершенно обессиленный и оглушенный, и тихо плакал, осознавая, что спасти его некому и что жизнь его кончена»¹.

Наиболее известным итальянским свидетелем трагического отхода декабря 1942 г. является Корти. В своих мемуарах «Большинство не возвращаются. Дневник двадцати восьми дней в котле на русском фронте (1942–43 гг.)»² младший лейтенант описывает с реализмом страдания итальянцев в Арбузовке: «Именно здесь нам пришлось в полной мере почувствовать и понять, какой это ужас – война. <...> У нас не было никакой еды. Между тем люди прибывали тысячами. Все новые и новые колонны входили в деревню, и хотя она была довольно большой, но вскоре оказалась переполненной. Все избы, за исключением отведенной под лазарет, были предназначены для немцев. Даже нашим генералам пришлось ютиться в своих холодных автомобилях. Итальянцы разместились на открытых со всех сторон площадках».³

Стоит заметить, что в последних итальянских переизданиях воспоминаний Корти исключены наиболее щекотливые эпизоды. Прежде всего незаслуженно забыты героические действия Е.А. Лисичкина, комиссара 35-й гвардейской стрелковой дивизии. Во избежание большого кровопролития Емельян Алексе-

¹ Воспоминания итальянских солдат. Владивосток, 2006. С. 33–35.

² Опубликованная в первом издании в 1947 г. (Милан, изд. Гарцанти) книга была переведена на русский в 2002 г. под названием «Немногие возвратившиеся. Записки офицера итальянского экспедиционного корпуса. 1942–1943 гг.».

³ Корти, Э. Немногие возвратившиеся. М., 2002. (<http://militera.lib.ru/memo/other/corti/02.html>).

вич Лисичкин, ветеран войны в Испании, пошёл на переговоры с итальянцами с целью сагитировать их сдаться без боя.

Вот официальный русский рассказ об этом: «Комиссар Е.А. Лисичкин личным примером воодушевлял воинов на подвиги во имя Родины. В Арбузовке он совершил бессмертный подвиг. Во имя сохранения многих человеческих жизней он несколько раз ходил во вражеский стан, где уговаривал солдат и офицеров сдаться в плен. В результате этого сдали оружие и покинули фронт более 500 солдат и офицеров. Вероломное действие врага оборвало жизнь смелого и мужественного комиссара Е.А. Лисичкина. Во время последнего похода для беседы с солдатами и офицерами противника о сдаче в плен он был расстрелян в упор одним фашистом. Артиллеристы противотанковой батареи и пушечного дивизиона 65-го артполка в ответ на расстрел комиссара Лисичкина открыли огонь по скоплению войск противника, где погиб их комиссар. В рядах противника началась паника. Они пытались прорваться через боевые порядки 100-го гвардейского стрелкового полка. Но все выходы из Арбузовки были закрыты мощным огнем артиллерии и стрелковых подразделений. Об этом подробно сообщил бывший командир батареи 35-й гвардейской дивизии, гвардии полковник М. Сущевский»¹.

Действительно, Корти рассказывал в 1947 г. о попытке переговоров по сдаче итальянских войск, но эпизод полностью исчез в издании 1993 г. Вот как он написал о тех событиях в первом издании дневника: «Я хочу здесь сообщить о серьезном и противоречивом эпизоде, рассказанном мне несколько дней спустя майором Беллини. <...> Эпизод был позднее подтвержден самим капитаном Чиполла, офицером инженерных войск, который в Старобельске сказал следующее. Первый или второй из вечеров в Долине Смерти характеризовался большим спокойствием врага, который ни единого выстрела не произвел. Капитан Чиполла видел войска 298-й немецкой дивизии, когда они загружались все и готовились вырваться из Арбузовки. Он подошёл к немецкому офицеру и спросил у него, в

¹ Глушенко, А. Память огненных лет. К 53-й годовщине освобождения Чертковского района от немецко-фашистских захватчиков // Вести Чертковские 16.01.1996 г. № 5 (9240). С. 2, 3.

чём дело. Он грустно ответил по-русски: «Немцы – плохие люди, я не немец, а чех. Немцы готовы убежать, и итальянская команда тоже не хороша». Чех добавил, что место сбора было у дома немецкого командования. После колонн санок, которые уже добрались туда, капитан попал на указанное место. Там были немецкие колонны и вместе с ними итальянские грузовики, которые были ещё в состоянии ездить. Создавалось такое впечатление, что что-то темное было в воздухе. Не только это: в доме немецкого командования капитан увидел, с большим удивлением, троих или четверых русских, один из которых, на коне, был, очевидно, офицер. «Русские!» – сказал немецкий солдат. Русские обменялись сигаретами с немецкими офицерами. Капитан немедленно отправился на поиски своего полковника. Он нашёл его почти сразу, сказал ему о том, что увидел. В темноте полковник слушал капитана без удивления, потом сказал ему, что он может идти»¹.

На третий день атаки советских войск возобновились, и остатки 35-го корпуса продолжали отчаянно сражаться, пытаясь прорваться к своим. В результате борьбы село Арбузовка было разрушено. «Многие мирные жители – женщины, дети, старики – были убиты немцами или впоследствии погибли при взятии Арбузовки. За нашими спинами осталась долина, вся покрытая мертвыми телами. Среди них немцы, русские, которых немцы взяли в плен и безжалостно расстреляли, а также итальянцы, которых оказалось больше всех. Итальянцы, погибшие под обстрелом, итальянцы, павшие в штыковой атаке, итальянцы, умершие от голода и холода»².

Из-за отсутствия закрытых помещений большинство раненых итальянских солдат лежало под открытым небом, прямо на снегу. Немецкие союзники не дали разрешения использовать несколько изб, чтобы укрыть от мороза пострадавших, мотивируя отказ тем, что все дома были заняты немецкими командными пунктами³.

¹Corti, E. I più non ritornano. Diario di 28 giorni d'assedio sul fronte russo (1942-43). Milano, 1947. P. 116–118.

²Ibid. P. 116–118.

³Terzi, O. Varvarovka alzo zero. Milano, 1974. P. 271. Немецкое поведение во время битвы в России.

К исходу 24 декабря был завершён полный разгром частей 8-й армии, окружённых в районе сел Арбузовка и Малая Лозовка. За четыре дня боев лишь «35-я гвардейская стрелковая дивизия в общей сложности уничтожила одного генерала, 9996 солдат и офицеров и захватила в плен 10443 солдат и офицеров противника»¹. Всего из 25 тысяч итальянских войск, побывавших в арбузовском котле, только небольшой части удалось вырваться. Около 20 тысяч солдат АРМИРА попали в плен или погибли в «долине смерти».

Утром 24 декабря 1942 г. единая колонна из пяти тысяч итало-немецких войск – сначала немцы, потом итальянцы – вышла из окружения. В дальнейшем вышедшие из Арбузовки направились в район Чертково. «Выезд из Арбузовки выполнялся путем движения в северном направлении. Затем колонна повернула на запад и вышла на Маньково. Но, когда мы пришли в район Маньково, село было под усиленной охраной врага. Мы повернули на юг, к Шептуховке, но вражеские силы овладели и этим селом. Тогда танки группы Naufmann атаковали и уничтожили врага; успех позволил колонне продолжать путь через Шептуховку до Чертково. Рядом с городом сам командир немецкой группы, майор, был серьезно ранен в живот. Наши войска пришли к Чертково, отбивая вражеские атаки в экстремальных зимних холодах. Оставшиеся в живых из группы дивизии "Равенны", около 300 человек, лишь частично были в состоянии бороться»².

Таким образом, часть отступавших итальянцев и немцев сумела продвинуться в Чертково. Но здесь они попали снова в окружение.

В конце декабря 1942 года наступающие войска 1-й гвардейской армии вышли в район Чертково – Меловое на границе с Украиной и начали окружение группировки в Чертково. Это были уже находящиеся в городе части и остатки дивизий «Пасубио», «Равенна», «Торино», 298-й немецкой дивизии. Всего в подчинении командира гарнизона полковника вермахта Голлер было около 14 тысяч

¹ Афанасьев, Н.И. От Волги до Шпрее. М., 1982. С. 93.

² AUSSME. DS 1552/18 n.2 PM 53 – 1.02.1943. Отчет об операциях, в которых принимали участие части дивизии «Равенна» в районе Перещепное – Радченское – Поповка – Арбузовка – Чертково – Стрельцовка с 17 декабря 1942 г. по 17 января 1943 г. С. 67.

человек – семь тысяч немцев и семь тысяч итальянцев¹, усиленных танками и самоходными орудиями. Четыре советские дивизии зажали в кольцо итало-немецкий гарнизон, сначала 41-я гвардейская стрелковая дивизия и 47-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, затем войска 35-й, 38-й, и 57-й гвардейских дивизий. Перед ними стояла задача освободить Чертково, пересечь железную дорогу и начать освобождение Украины.

Чертково было важным логистическим узлом в тылах АРМИРА вдоль железной дороги Россошь – Миллерово; там находились склады продовольствия и обмундирования, а также оперативный штаб. Выжившие в «долине смерти» сразу укреплялись в городе. «Чертково разместился на холмистой местности, и гарнизон был укомплектован немецкими и итальянскими войсками. Солдаты, вышедшие из Арбузовки, были размещены так, чтобы усилить гарнизон; они стояли в окружении с 25 декабря 1942 г. до вечера 15 января 1943 г. В этот период противник усилил осаду города и пытался неоднократно покорить его, а союзные войска организовали оборону и контратаки. Все итальянские силы в Чертково собрались в группе под командованием генерала Леричи, вице-командующего генерала Капицци, заменившего генерала Росси, эвакуированного на самолете из Чертково в Харьков из-за обморожения. В частности в период с 26 декабря по 9 января противник провел семь крупных атак с большим использованием минометов, артиллерии и «Катюш», но враг понес тяжелые потери и вынужден был приостановить атаки»².

Действительно, гарнизон в Чертково был хорошо вооружен и создал прочную круговую оборону, выгоняя на эту работу население. Так как город находится на возвышенности, итало-немецкие части хорошо охранялись и оборонялись. Окружённые войска ставили проволочные заграждения, рыли траншеи, минировали подходы к городу; оборудовав все каменные дома огневыми точками, уста-

¹ Le operazioni delle unità italiane al fronte russo (1941-1943). Roma, 1993. P. 411.

² AUSSME. DS 1552/18 n.2 PM 53 – 1.02.1943. Отчет об операциях, в которых принимали участие части дивизии «Равенна» в районе Перещепное – Радченское – Поповка – Арбузовка – Чертково – Стрельцовка с 17 декабря 1942 г. по 17 января 1943 г. С. 67.

навливали на чердаках пулеметы, на перекрестках улиц тщательно маскировали танки.

Во время блокады Чертково было разделено на два сектора. «Итальянцев расквартировали в районах, лежащих к северо-востоку от железной дороги. В юго-западных районах жили немцы. <...> Итальянские войска под командованием подполковника Вирджинио Манари были направлены на защиту восточного сектора Чертково, прилегающего к домам, в которых они были расквартированы. Итальянские продовольственные и промышленные склады находились в руках немцев. Наши службы, занимающиеся снабжением войск продовольствием, бросили их, когда в городе появились первые русские танки. Немцы, защищавшие город, сочли склады своей военной добычей. Только в самый первый день итальянские солдаты сумели разжиться кое-какими продуктами. Уже на второй день немцы поставили у складов вооруженных часовых. Благодаря усилиям наших старших офицеров в городе начали действовать два пункта выдачи продовольствия. Но порции были очень маленькими», – утверждал Е. Корти¹.

Бои по удержанию города носили ожесточенный характер, и не раз окраина переходила из рук в руки. Особенно кровопролитными были бои 27 и 28 декабря. «Разведка установила, что немцы сильно укрепили рубеж обороны на подступах к Чертково. Гарнизон города поддерживался авиацией. 27 декабря подразделениям 101-го полка удалось захватить на юго-западной окраине Чертково два трехэтажных дома. Пытаясь восстановить положение, противник бросил против прорвавшихся подразделений 101-го полка 6 танков и до батальона пехоты, которым удалось вплотную приблизиться к этим зданиям. <...> Большая группа пехотинцев и полковая рота ПТР во главе с замкомандира роты лейтенантом М.М. Кириченко поднялись на верхние этажи этих домов и открыли огонь по атакующему противнику. Фашисты потеряли несколько танков, до трех десятков гитлеровцев было убито», вспоминали участники боев².

¹Corti, E. I più non ritornano. Diario di 28 giorni d'assedio sul fronte russo (1942-43). Milano, 1947.

²Афанасьев, Н.И. От Волги до Шпрее. М., 1982. С. 94.

28 декабря вермахт пытался деблокировать итало-немецкие группировки. Командование группы армий «Б» бросило на выручку гарнизона из Беловодска и Новолиमारевки 19-ю танковую дивизию и 320-ю пехотную дивизию. На них была возложена задача – помочь окруженным войскам прорваться на запад. Но им не удалось пробиться к Чертково. Красная армия провела артиллерийскую подготовку, и советская пехота сразу поднялась на штурм. «Наступление 28 декабря началось в 17 ч. с града огня минометов, артиллерии и "Катюши". Враг штурмовал оплот огня: выстрелы стали ураганом. Утром в два часа русская пехота атаковала яростно, без минуты покоя, но итальянская и немецкая оборона всё же сопротивлялась. Сейчас, в 4 ч. Утра 29 декабря, когда я пишу настоящий доклад, противник начинает новую атаку», – утверждал итальянский подполковник¹.

В первую неделю осады итальянские самолеты совершили спуск продовольствия, медикаментов и боеприпасов для стрелкового оружия. В полдень 29 декабря приземлились в Чертково на самолете СМ-81 сам генерал Энрико Пецци, командующий итальянскими воздушными силами в России, и глава медицинской службы полковник Роккетти, чтобы лично разобраться в обстановке. Приблизительно в 14 ч. на обратном пути самолет пропал без вести.

«После наступления Нового года тяжелые самолеты больше не прилетали, потому что русские подошли вплотную к аэродрому и простреливали тяжелыми орудиями взлетную полосу. Теперь в Черткове приземлялись только «Шторьхи» – небольшие немецкие разведывательные самолеты, которым требовалось всего несколько десятков метров для взлета и посадки. Тяжелые самолеты сбрасывали припасы: немцы в больших количествах, на парашютах, итальянцы – совсем чуть-чуть (в основном медикаменты), в сумках, похожих на рюкзаки и без всяких парашютов ввиду полнейшего отсутствия последних», – утверждал Е. Корти².

К 31 декабря войска Юго-Западного фронта вышли на рубеж Новая Калитва – Марковка – Волошино – Миллерово – Ильинка – Чернышковский. Войска 1-й

¹Carerj, E. L'eropea di Tschertkowo. Roma, 1945. P. 179. Доклад командующего итальянским сектором в Чертково, подполковника Вирджинио Манари. В ночь на 1 января 1943 г. командир Манари погиб в бою.

²Corti, E. I più non ritornano. Diariodi 28 giornid'assedios ul fronte russo (1942-43). Milano, 1947.

гвардейской армии получили приказ закончить ликвидацию группировки противника, окружённой в Черткове. 4 января 1943 г. части 298-й немецкой дивизии совершили попытку соединиться с 19-й танковой дивизией, но когда приблизились к ней, они были отброшены контратаками советских войск. Утром 5 января после интенсивного ночного обстрела города русская атака была направлена против итальянского сектора, но безуспешно и с большими потерями; возникший в результате бомбардировки пожар уничтожил много запасов и оборудования.

7 января начался штурм окружённой группировки в районе Чертково – Меловое. На следующий день в гарнизоне уже не хватало боеприпасов, но командование 8-й армии подтвердило приказ сопротивляться до конца. В течение всего дня 9 января новая атака Красной армии поддерживалась интенсивной бомбежкой с воздуха и обстрелом артиллерии. Ситуация стала критической, особенно из-за систематического разрушения жилищ для войск, которые остались без прикрытия от лютых морозов. К исходу дня войска 57-й гвардейской стрелковой дивизии овладели окраиной Мелового.

Утром 14 января командование АРМИРа информировало, что 19-я танковая дивизия откроет путь на Стрельцовку, чтобы обеспечить проход конвоя из больных и раненых. Однако путь к спасению пришлось открыть тем же самым войскам окружённой группировки, следовательно, пришлось оставить на месте большую часть больных и раненых. Раненых итальянцев в Черткове было более 3850, около 1000 из которых не были в состоянии ходить.

15 января гарнизон получил приказ прорвать окружение. В ночь на 16 января 1943 г. колонны пехоты и танков двинулись на запад: «Перед нами опять была ровная, заснеженная низина. Мы шли и все время поглядывали на запад, ожидая в любую минуту увидеть свои линии укреплений. Но вместо этого нас в очередной раз приветствовали знаменитые русские "Катюши". Их снаряды падали в снег немного в стороне от нас, окутывая колонну клубами золотистого дыма. Значит, и здесь нас поджидает враг! <...> Колонна сильно растянулась, «похудела», и в итоге распалась на несколько изолированных групп. Во главе шли немцы и часть итальянцев, затем, в некотором отдалении, "Пасубио", в хвосте колонны тянулась неор-

ганизованная толпа итальянцев. Причем группы разделяло довольно большое расстояние. Если хвост колонны, состоящий сплошь из невооруженных людей, подвергнется нападению противника, нетрудно предположить, чем кончится дело»¹.

Правда, немногим итальянским войскам удалось прорваться из окружения. Всего в ходе декабрьского наступления Красной армии на Среднем Дону 2-й, 29-й и 35-й армейские корпуса потеряли среди убитых, раненых и плененных солдат и офицеров более 70% своего личного состава. Особенно значительными были потери дивизий «Торино» и «Пасубио». «В начале Второго оборонительного сражения на Дону общая численность личного состава дивизии "Пасубио" составляла около 9600 солдат и офицеров. В сражении потери были: всего 9280 человек, из них 3160 убитых и пропавших без вести (200 офицеров), 6120 раненых и обмороженных (200 офицеров) <...> В составе 8-го артиллерийского полка в начале декабря было 86 офицеров, 110 унтер-офицеров и 1679 артиллеристов. К 31 января 1943 г. осталось в общей сложности 15 офицеров, 34 унтер-офицера и 395 артиллеристов» – это итальянские данные². Потери «Торино» были еще более серьезные: к 16 декабря по данным штаба армии, в составе дивизии было 11 тысяч солдат, унтер-офицеров и офицеров; в конце декабрьского отхода осталось всего 1200 человек³.

В ходе кровопролитных боев в декабре 1942 г. в «долине смерти» тысячи итальянских солдат и офицеров оказывали упорное сопротивление, а затем решили сдаться в плен. Среди них на Среднем Дону были захвачены и старшие офицеры АРМИРА.

Официальные данные об их первом допросе приведены в книге Михаила Брагина «От Москвы до Берлина»: «В маленьком домике в казачьей станице собраны 13 майоров и подполковников и три полковника. Большинство из плененных офицеров – итальянцы. Немцев мало, они руководили сопротивлением, а когда поняли его безнадежность, оставили своих союзников прикрывать свой отход и

¹Corti, E. I più non ritornano. Diario di 28 giorni d'assedio sul fronte russo (1942-43). Milano, 1947.

²Luoni, V. La Pasubio sul fronte russo. Roma, 1977. P. 313.

³L'Italia nella relazione ufficiale sovietica sulla Seconda Guerra Mondiale. – Roma, 1978. P. 161.

унесли ноги. Начинается допрос командира батальона из дивизии "Равенна", который был ближе всех к переднему краю. Подполковнику Карло Феличе 50 лет, из них больше 30 он на военной службе. Участвовал в первой мировой войне, окончил военную академию, воевал в Испании, Греции, Югославии, опытный, тактически грамотный офицер <...> Проверить сказанное легко потому, что можно вызвать полковника Нальдони Джовани, который приказывал батальону Феличе контратаковать русских. У полковника спрашивают, удовлетворён ли он действиями Феличе. Командир полка отвечает, что командир батальона сделал всё, чего требовали приказ, обстановка и честь офицера. <...> Полком слева командовал полковник Бианки Марио. Он и сейчас сидит за столом, слева от Нальдони Джовани. Они знают друг друга много лет; оба участвовали в первой мировой войне; окончили военную академию в Модене и совершенствовались в Пармской военной академии; командовали последовательно ротами, батальонами и теперь полками; участвовали во всех войнах, которые вела Италия. Они награждены медалями и крестами за боевые заслуги и за долголетнюю службу, за верность итальянской короне и т.д. Они поддерживали друг друга в бою, но у Бианки Марио из 3 тысяч солдат осталось только 700, а под конец, потеряв весь полк, он присоединился к Нальдони Джовани и вместе с ним попал в плен. <...> Полковники потеряли не только большинство людей, но и все орудия, лишились бензина, расстреляли патроны даже из собственных пистолетов. В таком положении они шли на юго-запад, когда заметили в предрассветном тумане в 50 метрах впереди на снегу наших автоматчиков, готовящихся атаковать голову отступавшей колонны; сзади колонну преследовали танки, и из тумана доносился рёв "Катюши". Все вокруг бежали, падая и спотыкаясь. Положение было, как выразился Нальдони, бесперспективным. Всё рушилось. Полковники бросили пустые пистолеты и подняли руки вверх. <...> Полковник Лонго Луиджи, командир 3-го полка берсальеров, выглядит совсем молодым. Он красив, силен и элегантно одет. На нём серебряные и бронзовые медали, кресты за боевые заслуги, нашивки за ранения, знак кавалера Италии. Он давно командует берсальерами, специально отобранными, тренированными и обученными солдатами. С ними он ещё в 1922—

23 годах выступал в Ливию на подавление антиитальянского движения, с ними воевал в Абиссинии, Греции, Югославии, снова в Ливии против англичан и, наконец, в СССР. Полковник знал, что русские начали атаку в излучине Дона, но в течение двух суток не испытывал тревоги, потому что перед позициями его полка действовала только одна рота русских, не считая боевого охранения. Однако на третью ночь боёв соседний полк был неожиданно атакован русскими, и не с фронта, а с тыла; тогда же они появились на фланге полка барсальеров. <...> Но никто уже не думал об отходе – район был окружён. Была создана круговая оборона, и завязался двухдневный бой. Когда русские истребили 4 тысячи солдат и офицеров, оставшиеся в живых подняли руки. Полковник Лонго Луиджи не сдался в плен. Он бежал, как затравленный волк, пробирался от балки к балке всё дальше, на запад, и его, точно волка, обложили в кустарнике и взяли в плен бойцы нашего заградительного отряда»¹.

Сам полковник Лонго, возвратившись из плена, сохранил память об этих событиях. Вот как в личных воспоминаниях он написал о своем захвате и о разгроме 3-го полка дивизии «Челере»: «3-й полк берсальеров, получив приказ об отступлении поздно, направился под Мешков и тщетно пытался открыть путь к отходу. <...> На севере Мешкова русские силы начали атаку приблизительно в 14 ч. Противник имел время укрепиться в церкви на холме, с которого можно легко видеть все дороги, окружающие село, а также занял пригородные дома. Многочисленные пулеметы эффективно обстреливали дорогу из Калмыкова и параллельный водораздел. Противник был поддержан огромным количеством минометов, одной или двумя батареями, и шестью тяжёлыми танками, используемыми в качестве подвижной массы огня. Бой за село имел переменный успех. Церковь неоднократно переходила из рук в руки. Противник мог легко маневрировать: он был хорошо забаррикадирован в домах, которые скрывали его от стрельбы. 25-й батальон берсальеров предпринимал многократные попытки прорвать линию фронта, но из-за отсутствия средств не смог добраться до моста. В поддержке я использовал 20-й батальон, а затем 18-й, которые дошли почти до моста и церкви.

¹ Брагин, М. От Москвы до Берлина. Статьи и очерки военного корреспондента. М., 1947.

Хорватский легион, 25-й батальон и 20-й батальон выполнили свой долг. Но многие хорваты, начиная с их командира, вместо того, чтобы воевать за поставленные задачи, беспокоились только о том, чтобы найти брешь во вражеской линии и прорваться из котла. Их примеру последовали и некоторые солдаты полка, но почти никому не удалось прорваться. В 20 ч. я приказал приостановить атаку и, так как низкая температура не позволяла ночевать под открытым небом, решил нарушить контакт с противником и отступить обратно в Калмыков. Я подсчитал, что общие потери нашей колонны составили около 500 человек. <...> На заре 21 декабря собрались все офицеры полка, чтобы сообщить о намерении организовать оборону в населенном пункте в надежде быстро связаться с штабом "Торино" – однако уже с предыдущего утра дивизия не отвечала на мои радиозвонки. Только что закончился военный совет, когда пехота противника начала наступление с востока и юга и держала всех нас под огнем минометов и артиллерии; таким образом остатки 3-го полка частично были захвачены в плен. <...> В последней попытке продлить сопротивление вместе с теми, кто был рядом со мной, я направился к высоте 205, к западу от села, которая доминировала на окружающем ландшафте. Но враг заметил движение и открыл сильный и точный огонь минометов, так что я добрался до вершины с очень немногими войсками. В этот момент я приказал, чтобы каждый человек, кто мог, попробовал выбраться из котла. После чего вместе с войсками командной роты я прошел несколько километров на запад, откуда слышалось эхо боя. Но как только я прибыл в долину Каменная, эскадрон кавалерии окружил и захватил меня в плен. В момент захвата русские относились ко мне с уважением: отношение ко мне и ко всем, которые были со мной, было достойным. С благодарностью вспоминаю советский эскадрон кавалеристов, который не заставил меня поднять руки вверх. Сразу после захвата меня провели к советскому полковнику, командиру гарнизона в Мешкове, который руководил обороной против атаки колонны под моим командованием день до этого. Он и его политический комиссар похвалили войска колонны и добавили: "Вы не прорвали бы оборону, даже если бы вас было десять тысяч, потому что наши танки в любом случае остановили бы вас. Более того, даже преодо-

лев Мешков, вы потерялись бы в замороженной степи". В этой ужасной трагедии моим единственным утешением были откровенные слова противника и уверенность, что берсальеры 3-го полка выполнили свой долг»¹.

В начале «Второго оборонительного сражения на Дону» истребители 21-й группы использовались в помощь частям АРМИРА против растянувшихся советских колонн. 11 декабря Макки совершали вылет в качестве штурмовиков, что дало возможность противовоздушной обороне противника сразу сбить два низколетящих истребителя. На следующий день семь Макки «200» и «202» 21-й группы атаковали группировку советских войск на юго-востоке Битюга; но снова зенитной артиллерии противника удалось подбить один итальянский истребитель.

18 декабря все бомбардировщики BR.20 38-й эскадрильи, базировавшиеся в Кантемировке, участвовали в попытке налета на советские позиции. На них сразу же напали четверо МиГ-3, которые повредили почти все итальянские самолеты. Вечером того же дня доложили о том, что русские танки находятся в 20 км от Кантемировки. Большинство итальянских и немецких авиационных частей стремительно оставили аэродром. Итальянские летчики перевезли персонал на двух транспортных самолетах S.M.81. Перед ними взлетели ФИАТ BR.20, MC.200 и MC.202.

В декабре 1942 г. тяжелые самолеты 245-й и 246-й транспортных эскадрилей ФИАТ BR.20 и трехмоторный S.M.81 широко пользовались для снабжения окруженных войск АРМИРА в Чертково и Миллерово: они перевезли десятки тонн военных грузов, а затем вернулись за погрузкой умирающих. «Чтобы быть уверенными в погрузке предназначенного груза, итальянские пилоты, рискуя жизнью, летали очень низко, всегда сопровождаемые яростным огнем русских. Когда наша печальная одиссея завершилась, мне довелось побывать на аэродроме Ворошиловграда, бывшем тогда базой итальянских самолетов. Я узнал, что 9 из 12 имевшихся на базе Фиатов BR.20 были сбиты во время полетов над Чертково»¹.

Именно с аэродрома Чертково самолет S.81 генерала Пецци, командующего КАФО, выполнял последний взлет без эскортирования. Свидетельство этого безвозвратного полёта было опубликовано в дневнике летчика Джованни Де Зорди,

¹Corti, E. I più non ritornano. Diario di 28 giorni d'assedio sul fronte russo (1942-43). Milano, 1947.

участвовавшего в операции транспортных самолетов Королевских ВВС зимой 1942 г.

29 декабря Де Зорди только что вернулся из полета в Миллерово – Ворошиловград. В своем рассказе он ясно обрисовал, в каких условиях летали караваны итальянских самолетов для снабжения окруженных войск. «Утро 29 декабря. Цель полета: еще раз на Миллерово. Два дня без перерыва в "воздушном мосту": самолет используют для поставки продуктов питания, затем принимают на борт самых тяжелых раненых. И внутри этого котла настоящий ад. Сейчас моя очередь идти! Город находится в центре военных действий обеих сторон: знание места имеет решающее значение для пилотов, чтобы лететь над опасными участками с маневрами на пределе мощности. Как обычно, мы готовы заранее, получив инструкции и информацию от экипажей, которые летали еще до нас. Самолет вернулся из Миллерово с трудом, некоторые члены экипажа получили ранения, один очень серьезно ранен: он получил пулю в живот. Это повод для дальнейшего беспокойства для нас, которые должны лететь по тому же маршруту. Но я пошел с некоторым удовольствием сегодня потому, что должен управлять моим старым "S.M.81", самолетом, который я привез из Италии и на котором я давно летаю и летал больше всех. На этот раз я должен лететь с лейтенантом Бусакки. Как только мы в кабине, он говорит: «Готовы ли вы? Давай!». Я отвечаю: «Да, я готов! Давай!» и лейтенант: «Вам теперь управлять! Хорошо!». <...>

После долгого взлета в связи с огромной нагрузкой поставок, взлетаем из Ворошиловграда в направлении Миллерово. Густой туман сгущается все больше и больше, и нас это раздражает. Вдруг я понимаю, что стрелка компаса не работает. Лейтенант, глядя на карты, кричит: «Посмотрите на это село, у нас была информация, что там есть русские». Курс был изменен, чтобы избежать этого села, и другие самолеты из конвоя следуют моему пути. Вот, наконец, виден силуэт знаменитой силосной башни Миллерово. Считаю, что другие самолеты летят за нами и сделали все возможное, чтобы строго соблюдать расстояние, не теряя из виду мой S.M.81. Все должны приземлиться «без предисловий» (т.е. без особых рассуждений) и не делая еще один круг: в противном случае мы даем врагу воз-

возможность стрелять по нам. Черт! Аэродром так затемнен густым туманом, что я вижу его в последний момент, только тогда, когда мы находимся прямо над ним. Это приземление остаётся до сих пор одним из самых акробатических, сделанных мною. <...>

Мы находились под постоянной неустанной бомбардировкой русской артиллерии; немцы подождали, пока все наши самолеты приземлились, и начали отвечать на огонь. Однако было необходимо как можно скорее начать выгрузку боеприпасов и загрузить раненых. Заканчивая работу, я дрожал от поспешности: рев огня беспокоил меня, жёг мою душу, уже жестоко испытанную <...> Наконец мы готовы. Лейтенант Бусакки предупреждает меня: «Все там нас ждут. Пожалуйста, осторожно!» Я отвечаю: «Я сделаю все возможное». В этот момент немецкий юнкерс Ю52 проходит мимо и почти касается нашего крыла центральным винтом. <...> И на этот раз нам удалось. Уже летели над железной дорогой. Это был маршрут всего получасового полета, но он был опасным и из-за угрозы нападения воздушных сил врага и из-за ударов российской зенитной артиллерии, всегда готовой уничтожить нас. Мы долетели без ущерба до Ворошиловграда. Как только мы прибыли на аэродром, наш командир приказал нам собираться снова для второй миссии. Но генерал Пецци, который был на аэродроме, решил лететь с лейтенантом Бусакки, чтобы координировать на месте погрузку раненых и проверить лично ситуацию в Чертково. Вместе с ними поднялись на борт врач – полковник Королевской армии Федерико Боккетти, лейтенант Луиджи Томази и радист Антонио Арчидяконо (мой дорогой коллега, с которым много раз летал). Генерал Пецци, прежде чем подняться на борт, сказал: "Но у меня нет пистолета", подошел ко мне и взял мой: "Взаймы" – уточнил. Для меня это была честь: очень немногие из нас имеют пистолет, и генерал знал, кто имел. Я купил пистолет с коллегами в Порденоне до приезда в Россию. В 11.25 я смотрю на взлет этого S.M.81. <...> Я только что вернулся из этого ада, прилетел два часа назад из этой опасной зоны. Лейтенант Бусакки оказал мне максимальное доверие, когда сказал мне: "Вам теперь управлять!". Мне хотелось бы быть с ними снова. <...> В 14.18 часов вечера у нас была последняя связь, потом молчание. На радиостанции не

получали больше сигнал. Все ждали с нетерпением. <...> На следующее утро мы организовали исследование на самолете и на автомобиле, добрались куда только было возможно, где враг был лишь в нескольких километрах. <...> Самолет больше не вернулся»¹.

В настоящее время полет генерала Пецци стал предметом внимания новых исследований итальянской историографии. Однако место крушения самолета на территории Луганской области (4 километра северо-восточнее Югановки, 42 километра западнее Миллерово) еще не установлено точно².

После смерти генерала Пецци, награжденного золотой медалью «посмертно», временно принял командование подполковник Маркуччи, начальник штаба КАФО; затем командование было поручено генералу Уго Рампелли.

17 января 1943 г. 21-я группа истребителей выполнила свой последний штурмовой вылет на советско-германский фронт. Все оставшиеся в наличии МС.200 и МС.202 поднялись с аэродрома Ворошиловграда и взяли курс на Миллерово, чтобы атаковать колонну русских танков. Одновременно бомбардировщики 71-й группы участвовали в нападениях на Морозовск и Каменск: во время налета были потеряны три ВР.20, сбитых советской зенитной артиллерией.

С 18 по 22 января 1943 г. приближающийся фронт заставил эвакуировать все самолеты АРМИРА с аэродрома Ворошиловграда в Сталино. Оттуда их путь лежал 11 февраля в Запорожье и затем 5 марта все самолеты перелетели в Одессу. Здесь итальянские авиационные группы находились до весны. 20 апреля в Италию вернулись остатки 71-й группы. В аэропорту Ронки деи Легионари несколько ФИАТ ВР.20М; Капрони Са-311 и Са-312 остались в Одессе. «Правда, в передаче по железной дороге оставшихся Макки МС.200 и МС.202 мешали немцы. Командование Люфтваффе препятствовало полной эвакуации наших авиационных баз – КАФО заставило оставить в Ворошиловграде 20 почти новых двигателей, вместе с пятнадцатью итальянскими истребителями»³. Таким образом, в мае

¹ Poppi, A. *Piloti nella neve*. Modena, 2012. P. 34–38.

² См. приложение.

³ Malizia, N. *Ali sulla steppa. La Regia Aeronautica nella campagna di Russia*. Roma, 2008. P. 185.

добрались в Италию только 8 истребителей Макки МС. 200 и 9 Макки МС.202. Транспортные эскадрильи еще некоторое время оставались на фронте.

В целом, за 18 месяцев боевой службы на Восточном фронте летчики Королевских ВВС выполнили 2557 вылетов на перехват, 1983 на сопровождение, 1310 штурмовых и 511 вылетов на прикрытие с воздуха. Две истребительные группы заявили об уничтожении на земле и в воздухе 88 советских самолетов при потере 15 своих.

Потери контингента ВВС Италии в СССР составили всего 32 пилота и 54 человека из числа военного персонала, убитых или пропавших без вести.

Итак, 19 декабря 1942 г. начался отход дивизий 8-й армии с занимаемых на Дону позиций. Штабы нередко теряли связь с войсками; окруженные итальянские колонны, атакованные частями 1-й Гвардейской армии, пытались прорваться на запад бегством. Приказы и контрприказы командования вермахта ускорили процесс дезинтеграции 8-й армии. Попавшие в окружения в районе Арбузовки и Чертково итальянские войска понесли большие потери. Немецкое командование попыталось оправдать поражение под Сталинградским прорывом в секторе АР-МИРа.